

УДК 94 (470.41) “1941/1945”

ВЛИЯНИЕ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ТАТАРСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук

В настоящее время в российской исторической науке наблюдается усиление интереса к темам, изучение которых в советской историографии носило строго идеологизированный характер. Среди таких актуальных проблем на одном из первых мест находится вопрос о взаимоотношениях властных структур и общества. В советский период исследование различных сторон этой важной и серьезной темы четко дозировалось и регламентировалось правящей партией и подконтрольными ей цензурными инстанциями.

С крушением идеологической парадигмы советского государства начался новый этап развития исторической науки, приведший к концептуальному переосмыслению многих событий и явлений отечественной истории XX в. В том числе нового, комплексного прочтения потребовали проблемы взаимодействия власти и населения в кризисные моменты развития общества, среди которых своей масштабностью и трагичностью выделяются годы Великой Отечественной войны.

Несмотря на обширную историографию военной темы, изучение ее никогда не было свободно от конъюнктурных мифов и навязанных сверху стереотипов. Среди максимально политизированных вопросов военной истории долгое время оставались те, что были связаны с анализом общественно-политической ситуации и отражением массового сознания в стране и в регионах, т.к. они касались не только проблем морального состояния насе-

ления, но и непосредственно затрагивали деятельность институтов власти. Более того, при рассмотрении такого рода вопросов практически не освещались национальные аспекты проблемы.

В данной статье предпринята попытка восполнить имеющиеся в историографии темы пробелы на материалах Республики Татарстан. Методологический плюрализм, пришедший на смену единомыслию историков советской эпохи, анализ новых архивных источников, редко используемых ранее по идеологическим соображениям, надеемся, позволит отойти от однозначных оценок военного периода, отразить многообразие настроений советских людей, показать исторические процессы во всей их сложности и противоречивости.

В начальный период войны первоочередной задачей государства стало проведение мобилизационной кампании. Она прошла с большим патриотическим подъемом. Всплеск гражданских настроений в обществе был поддержан активной пропагандистской политикой властей и специально организованными акциями.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. мобилизации подлежали военно-обязанные граждане 1905–1918 гг. рождения. Во всех районах Татарстана была развернута соответствующая массово-политическая работа. На предприятиях, в учреждениях, в колхозах проводились митинги трудящихся. Выступления их участников свидетельствовали о готовности встать на защиту Отечества и раз-

громить врага. Так, на митинге, посвященном проводам на фронт, колхозник Тельмановского сельсовета Тюлячинского района Г.И. Иванов, провожая двух своих сыновей, заявил: «Мы не раз били немецкую армию. Народ наш и сейчас вдребезги разобьет фашистскую нечисть... Я готов сам ринуться в бой, несмотря на мою старость»¹. Электрик завода № 27 г. Казани Гильмутдинов отмечал: «На нашу миролюбивую страну напал озверелый фашизм... Я иду на фронт и обязуюсь выполнить свой долг перед родиной»².

Примечательным документом, по которому можно проследить за действиями властей по организации важнейших политических акций, является специальная докладная записка секретаря Бавлинского райкома ВКП(б) Г.С. Семенова в областной комитет партии, датированная 27 июня 1941 г. В ней сообщается, что уже в первый день войны во всех колхозах района были проведены митинги, причем, «митинги в колхозах, особенно в райцентре, были действительно массовыми и проходили с небывалым чувством патриотизма». В особой ремарке под грифом «строго секретно» отмечается, что в отличие от предыдущих, их отличительной чертой стало «большое количество выступлений «из пубрики». Из контекста этого документа становится понятным, что ранее выступления на подобных политических мероприятиях готовились заблаговременно, ораторы «назначались», в связи с чем речи «рядовых работников», «незаметных» специалистов» были «достаточно редки»³. Начало же войны пробудило глубинные чувства народа, вызвав ненависть к врагу. Поэтому представители «из народа» — колхозники, рабочие совхозов и МТС — не дожидаясь указаний от начальства, захотели выразить свои настроения и продемонстрировать готовность отстаивать свободу и независимость Отчизны.

О высоком патриотическом настрое, охватившем жителей республики, свидетельствовал и массовый поток заявлений в партийно-советские органы и

военкоматы с просьбой о добровольном зачислении их в ряды действующей армии. «Сейчас, когда фашисты напали на нашу страну, я добровольно ухожу на фронт... — писал бригадир тракторной бригады Кичуйской МТС Акташского района А.А. Хлыстенков. — И пусть гитлеровские разбойники знают, что наша Красная Армия развеет в прах их сумасбродную идею мирового господства»⁴. Работница Казанской швейной фабрики № 2 Алексеева в своем обращении в военкомат указывала: «Мой долг — защищать свою родину от нападения врагов. Прошу зачислить меня добровольно в РККА»⁵.

Аналогичных примеров было множество. Только за один день — 23 июня 1941 г. — в Бауманский райком ВКП(б) поступило 172 заявления⁶. В военкомат Кировского района к 26 июня было подано 402 заявления⁷. Всего же за шесть дней с начала войны (с 23 по 29 июня 1941 г.) от граждан республики было принято свыше 5 тыс. обращений⁸.

Но одновременно в среде населения имели хождение и диаметрально противоположные настроения. Это дает нам основание утверждать, что массовое сознание населения в Татарстане в военное время нельзя представлять однородным. Наоборот, оно было достаточно противоречивым. В частности, об этом говорят донесения в республиканский обком ВКП(б), в которых содержится информация о негативных высказываниях колхозников. Так, Чуркин Егор из деревни Ляки Сармановского района, обращаясь к своим односельчанам, получившим повестку, заявлял: «Нечего идти на войну, все равно убьют, если два-три дня будете скрываться, то останетесь живыми, у нас нет силы для борьбы против Германии». Е.В. Баршина из села Кузайкино Акташского района в беседе с членом партии, отмечала: «Сейчас мы живем плохо, при Гитлере, наверное, жить будем лучше»⁹.

К сбору таких сведений власти относились очень внимательно, тщательно отслеживая и фиксируя их. По всем

ставшим известным им фактам антисоветских или пораженческих высказываний принимались соответствующие меры. В основном задержанные привлекались к уголовной ответственности по ст. 58-10 ч. 2 Уголовного Кодекса РСФСР за «контрреволюционную агитацию». Дела Чуркина и Баршиной среди прочих тоже были переданы в суд.

Определенное распространение в начальный период войны получили случаи дезертирства, уклонения от службы и членовредительства, что тоже свидетельствует о существовавшей разногласии в настроениях граждан. Например, военнообязанные Фатыхов (Дубязский район), Пронин (Бавлинский район), Амиров (Актанышский район) с целью уклонения от мобилизации отрубили себе по несколько пальцев на руках. Военнообязанный из Сабинского района Татарстана Яруллин, получив повестку, заявил: «Лучше под суд, в тюрьму, чем пойти в армию». И действительно, предпочел украсть два мешка муки, чтобы его посадили, но не мобилизовали¹⁰. В Ютазинском районе гражданин Тенешев из колхоза «Заря» отказался служить в армии, при этом заявив: «Я раньше был сын кулака, тогда правительство в нас не нуждалось, теперь я нужен стал для правительства. Я не пойду служить в РККА»¹¹. Призываемый из колхоза «Роза Люксембург» того же района Абдуллин Гарай намеренно явился на сборный пункт военкомата в нетрезвом виде, при следовании в часть дезертировал, отстав от команды, и в тот же день вернулся домой¹². Согласно архивным документам, все они были задержаны и осуждены.

В целом, только за три месяца с начала боевых действий военной прокуратурой республики к уголовной ответственности были привлечены и осуждены на разные сроки за уклонение от мобилизации 49 человек, еще 27 человек — за дезертирство¹³.

Примеры такого рода были, хотя и редки, но не единичны. Они вместе с другими вполне укладываются в общую мозаичную картину, отражавшую

настроения людей военного времени. Если в мирные годы люди стремились сдерживать проявления своих эмоций, то война дала выход чувствам, с которыми население не всегда могло справиться. К тому же в республике периодически «ходили» слухи о скором занятии Москвы, о предательстве высших военачальников, о проникновении фашистов в глубокий тыл, что тоже «будоражило умы». Жители Татарстана были напуганы и обеспокоены услышанным, но сами еще более усугубляли ситуацию, передавая из уст в уста разговоры о том, что, например, «в селе М. Бугульма отрезали телефонные провода»; или, что якобы дети срочно в административном порядке эвакуируются из Казани и т.п.¹⁴

Властные структуры стремились пресекать такие «слухи». Напомним, что в военное время руководящими органами были приняты решения об изъятии у населения радиоприемников и биноклей, введена ответственность за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу. Чуть позже были сокращены тиражи периодических изданий, особенно местных. В задачи власти входило формирование «правильных» представлений у населения относительно образов войны, врага, Родины, победы. Обком ВКП(б) в своих обращениях неоднократно требовал от рядовых коммунистов «повышения революционной бдительности». Уже в июле 1941 г. в районные партийные инстанции республики было разослано письмо, в котором подчеркивалось: «Мы не можем допустить безучастного отношения к разного рода распространяемым слухам о положении на фронтах и др., в своем большинстве ведущих к неправильной ориентации отдельных групп населения, к паникерству, к настроениям шапкозакидательства». И далее указывалось: «Задача каждого коммуниста — своевременно пресекать подобного рода слухи, где бы они ни происходили — в трамвае, дома, на работе, в очереди и т.д. Людям, подпавшим под влияние их в силу своей от-

сталости, разъяснять весь вред их; лиц, распространявших их сознательно, разоблачать и привлекать к ответу»¹⁵. Все эти меры наряду с действительной борьбой против паники и информационных диверсий давали возможность подавлять практически любые попытки проявления недовольства граждан.

Таким образом, устремления советских людей были далеко не столь однородно патриотичны, как внушала нам до сих пор официальная историография. Они отражают весьма сложную гамму чувств. Наряду с подавляющим большинством населения, искренне желавшим победы над врагом, существовали вполне определенные категории граждан, «обиженные» Советской властью в период проведения индустриализации и коллективизации, не примирившиеся с разрушением церквей и мечетей, невинно пострадавшие в годы разгула политических репрессий. В массовом сознании населения одновременно существовали кардинально отличающиеся между собой позиции и мнения.

Возможно, именно эти различные общественно-политические настроения советских людей послужили базой для умозаключений фашистских лидеров, которые, приняв их за раскол общества, решили использовать в своих целях. В частности, обыграв татарскую национальную идею, связанную с мечтами о возрождении государственности татарского народа, летом 1942 г. в местечке Едлино (Польша) гитлеровцами был создан легион «Идель-Урал» из военнопленных татар и представителей других народов Поволжско-Уральского региона. Расчет был сделан на то, что легионеры выступят против Советов. Но фашисты просчитались — ни один из батальонов легиона не принял участие в боевых действиях на стороне вермахта¹⁶. Несмотря на огромные трудности и лишения, в начавшейся войне интернациональный вектор развития народов СССР, т.е. сближение и единение их против общей смертельной угрозы, проявился намного ярче и сильнее, чем национальный.

Кроме того, необходимо отметить, что властные структуры, добиваясь свежих решений в поднятии патриотического настроения граждан, в военные годы пошли на целый ряд уступок идеологического характера, в том числе был задействован и национальный фактор, что было особенно важно для регионов, в которых проживало значительное количество представителей нерусской нации. Например, для подъема национального духа татарского народа было разрешено обращение к давно закрытым, но бережно сохранным в национальной сокровищнице сюжетам и образам героического прошлого. Татарская интеллигенция, «вспомнив» о времени существования могущественных средневековых татарских государств, обратилась к истории Золотой Орды, возродила образы национальных героев, мужественно боровшихся с врагами. В военные годы появились такие произведения, как «Идегей» Наки Исанбета, «Страна Таргар» Шайхи Маннура, «Перстень» Фатыха Хусни и др.

Национальная идея была обыграна и в инициированной властями кампании по написанию писем-наказов от трудящихся национальных республик фронтовикам. 5 марта 1943 г. в «Правде» было напечатано письмо трудящихся Татарской АССР всем фронтовикам-татарам, под которым подписались 1511137 человек. В нем говорилось: «Татарские джигиты! Вам, кто не щадя своих сил и жизни, грудью защищает каждую пядь родной земли на фронтах, от моря Белого до моря Черного, вам, кто в первых рядах гвардейских полков и дивизий идет в наступление, в дни замечательных побед наших войск шлет татарский народ свой пламенный салам! ...Мы крепко верим, что вы не дадите передышки врагу, будете гнать его все дальше на запад и до конца истребите немецких захватчиков!»¹⁷. Обращение к фронтовикам вызвало большой патриотический подъем среди солдат и офицеров. Отвечали на него целыми воинскими подразделениями, заверяя своих земляков в непримире-

мости к врагу и решимости выполнить наказ Родины.

Несмотря на спланированный характер этих акций, в массовом сознании населения изменение вектора общеполитической линии в деятельности руководства страны было воспринято весьма положительно. Правда, сразу следует оговориться, что идеологические послабления в советском государстве оказались весьма непродолжительны. Как только впереди забрезжила Победа, власти с прежним рвением взялись за «наведение порядка». Целые народы (калмыки, чеченцы, крымские татары, ингуши, балкарцы и др.) подверглись тогда политическим выселениям с мест проживания. Основанием для их депортации послужили обвинения якобы в массовом предательстве.

В отношении же татарского народа, который выселить представлялось достаточно проблематичным, т.к. татары относятся к дисперсно-расселенным нациям, явственно проявилась жесткая линия, направленная на его духовное порабощение и уничтожение этнической истории. Она нашла свое отражение в принятом в августе 1944 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»¹⁸. В нем местные партийные органы подверглись остракизму за «ошибки и недостатки националистического характера», якобы допущенные историками и литераторами при создании тех произведений, которые еще недавно властью назывались «патриотически-выдержанными» и объективно отражающими историю татар.

Другим направлением воздействия власти на массовое сознание населения в военный период, наряду с использованием национальной идеи, стало религиозное возрождение. Для поддержания морального духа народа на государственном уровне было принято решение о прекращении в стране всякой антирелигиозной пропаганды. Впервые после разгромных акций предыдущих лет ве-

рующим позволили открыто посещать церкви и мечети, проводить необходимые ритуалы, отправлять религиозные потребности. В Национальном архиве Республики Татарстан хранится огромное количество документов, в которых жители русских и татарских деревень просят руководящие органы республики разрешить им открыть культовые здания, переставшие функционировать в разгар атеистической кампании.

Постановление № 1325 «О порядке открытия церквей», разработанное Советом по делам Русской православной церкви и утвержденное Совнаркомом СССР в ноябре 1943 г. стало базовым документом, на основании которого власти выносили свое заключение о целесообразности открытия той или иной церкви и регистрации религиозной общины. С подобными ходатайствами обратились, например, верующие христиане с. Сахаровка Алексеевского района, с. Арбузов-Баран Билярского района, с. Арсланово Кайбицкого района и др.¹⁹

Заявления мусульман об открытии мечетей начали рассматриваться несколько позднее, только в ноябре 1944 г., на основании постановления № 1633. Соответствующие ходатайства-просьбы были оформлены от жителей дер. Ибрайкино Аксубаевского района, дер. Кулмаксы Ново-Шешминского района, дер. Н. Челны Алькеевского района и др.²⁰

Новая позиция властей в отношении религии выразилась и в «совершенствовании» работы Союза Воинствующих Безбожников – организации, в мирное время осуществлявшей атеистическую агитацию и пропаганду в стране. В 1943 г. Татарстанское подразделение Центрального Совета СВБ получило инструктивное письмо, в котором указывалось на необходимость в военный период «тактичного отношения к деятельности религиозных лидеров, патристические выступления которых..., безусловно, способствуют морально-политическому сплочению... народа в борьбе против фашистских захватчиков». Главной задачей организации вы-

двигалась «пропаганда естественно-научных знаний без особого направления ее против религии»²¹.

Значительное влияние на массовое сознание населения в Татарстане оказали изменения, касавшиеся непосредственно общественно-политической ситуации в республике. В военные годы большее значение стало придаваться росту национальных кадров во всех советских учреждениях, повышенное внимание уделялось продвижению лиц коренной национальности в руководящие структуры. К 1943 г. из имеющихся в республике 1682 сельских Советов 898 возглавлялись татарами²². Председателем Президиума Верховного Совета ТАССР являлся Г.А. Динмухаметов. Хотя при оценке деятельности Советов депутатов трудящихся не следует забывать, что, несмотря на официальное признание их, согласно Конституции, органами государственной власти, роль Советов в годы войны была сведена к минимуму. Они выполняли в основном исполнительно-распорядительные функции, придавая спущенным сверху партийным указаниям официально законный характер.

Высшая распорядительная власть в Татарстане также была представлена лицами коренной национальности. В должности председателя правительства ТАССР в годы войны работали С.Х. Гафиатуллин и С.Ш. Шарафеев.

Определяющее место в политической структуре Татарстана, несомненно, оставалось за партийными организациями, для деятельности которых были характерны единоначалие, жесткий диктат, железная дисциплина, беспрекословное подчинение центру. Они фактически стояли над госорганами. Центральный аппарат бдительно отслеживал действия первых лиц республики, и в случае «проколов» со стороны последних, быстро заменял их. За четыре года войны в республике сменилось пять первых секретарей Татарского обкома ВКП(б). Причем все они по установившейся традиции были русскими: А. Алемасов, А. Колыбанов, С. Пазиков, В. Никитин. Но в военный

период произошло весьма знаменательное событие. В 1944 г. с одобрения вышестоящих органов Татарский обком возглавил татарин — З.И. Муратов. В некоторой степени и этот шаг можно считать проявлением наметившегося в годы войны более лояльного отношения властей к национальным кадрам и, возможно, желанием «угодить» массам.

В свою очередь, республиканские государственные и партийные органы стремились оправдать оказанное им доверие. Татарстан в годы войны являлся одной из важных тыловых баз. Здесь ускоренными темпами развивалась тяжелая промышленность, производилась сельскохозяйственная продукция. Не исключая патриотической составляющей труда советских людей, следует отметить, что определенное место в достижении необходимых производственных показателей имели и нажимные методы местного руководства. Люди по-разному относились к такому давлению. Многие, не одобряя его, высказывались так: «Я не стальной, чтобы ночью работать, мне нужно отдохнуть», или «Что вы ко мне пристаёте, я вам под козырек не взял»²³.

Особенно тяжелое положение в годы войны сложилось в сельском хозяйстве Татарстана. Из года в год уменьшались посевные площади, падала урожайность, сокращалось поголовье скота, в связи с чем государственные планы в полном объеме выполнить не удавалось. Тогда в ход шли любые способы. Сдача хлеба проводилась под угрозой ареста, в семьях производились обыски. Нельзя было собирать оставшиеся колосья с полей, приносить домой орехи, ягоды и т.п. Нередки были факты избивания колхозников председателями колхозов и бригадирами. Невозможность примириться со сложившейся ситуацией приводила к тому, что среди сельчан распространялись «контрреволюционные» разговоры. Закиров из Набережно-Челнинского района республики, комментируя ситуацию в колхозе «Дон», заявлял: «Надо постепенно готовиться, так как в колхозах советской власти скоро не будет, и мы будем

по-старому жить»²⁴. Раскулаченный в прошлом Синдюков Тимофей из Дрожжановского района утверждал: «Придет наше время, мы вас выгоним из деревни, и вся земля останется нам»²⁵.

Преодоление подобных настроений в первую очередь возлагалось на властные структуры. От них требовалось создать в общественном сознании людей в тылу стереотип поведения, включающий высокую работоспособность, аскетизм, готовность на трудности и лишения ради выполнения государственного задания. С целью формирования такой позиции граждан широко использовались возможности периодической печати, радио, умело тиражирующих опыт передовиков, демонстрирующих самоотверженность трудящихся на производстве. Огромные масштабы получила пропагандистская работа руководящих органов по развертыванию социалистического соревнования, благодаря чему оно приобрело поистине всеобъемлющий характер.

Одновременно власти стремились блокировать проявления недовольства отдельных граждан, причем меры воздействия были разными: от попыток обоснования трудностей объективными условиями до прямого давления на общество через осуждение (часто судебное) «нездоровой критики», «очернительства» в адрес руководства.

Большое значение в военные годы придавалось утверждению в массовом сознании населения необходимости их участия в претворении в жизнь общественных инициатив. Движение в помощь фронту являлось одной из них. Пропагандистские мероприятия способствовали тому, что граждане республики активно участвовали в различных формах помощи фронту. Приближая Победу, жители Татарстана сдавали наличные деньги, изделия из золота, серебра, драгоценности, устраивали субботники, воскресники. На многих предприятиях рабочие, иногда по собственному почину, а чаще по указанию партийных организаций, принимали решения об отчислениях заработка в фонд обороны, на военные займы и т.д.

Например, в период подписной кампании на военный заем в 1942 г. рабочие завода № 22 г. Казани подписались на следующие суммы: Сатаров при среднем заработке в 902 руб. подписался на 1300 руб.; Игнатенко, зарабатывая 465 руб., выделил на подписку 700 руб.; Хуснутдинов при заработке в 450 руб. отдал 1000 руб. и т.д.²⁶

Но вместе с тем распространены были и негативные настроения рабочих, когда в ответ на призыв вкладывать свои средства в различные фонды, они отвечали: «Пусть гниют, а не дам ни одного рубля»²⁷.

Председатель исполкома Саконского сельсовета Алексеевского района Мишечкин, выступая на колхозном собрании по вопросу о мобилизации средств в фонд обороны, уговаривал сельчан: «Вносите деньги быстрее, а то меня по суд отдадут. Вместо меня другой председатель будет, но вас все равно платить заставят»²⁸.

И действительно, распоряжение вышестоящих инстанций носило добровольно-обязательный характер, сбор средств проводился без учета желаний и возможностей людей. Документом, подтверждающим это, является письмо Сидоровой из колхоза «Борец труда» Бугульминского района, посланное на фронт 18 декабря 1944 г. Обращаясь к своему отцу, она пишет: «Папа, вот, например, подписывают на заем. Подписывают добровольно, кто сколько может. Вот мы и подписались на две сотни, а у нас не берут, просят четыре». Когда же семья отказалась отдать неподъемную для них сумму, члены комиссии пригрозили забрать со двора корову. В итоге матери девочки пришлось занять недостающие двести рублей и отдать требуемые деньги»²⁹.

Жесткий характер взаимоотношений между рядовыми гражданами и чиновниками во время политических кампаний во многом был обусловлен тем, что должностные лица, к функциям которых относился сбор оговоренных сумм, сами опасались применения к ним репрессивных мер со стороны своего руководства. Поэтому принуждение яв-

лялось обычной практикой, особенно в сельских районах. Людей запирали в холодные помещения, взламывали двери, организовывали обыски. Типичным в этом отношении можно считать случай, произошедший в Акташском районе республики. Когда в период проведения месячника по сбору средств на строительство танковой колонны не были получены ожидаемые денежные суммы, председатель Ново-Мавринского сельсовета указанного района Белякова начала практиковать ночные вызовы. Она не отпускала жителей подотчетной ей территории, угрожая расправой, до тех пор, пока они не согласились увеличить суммы подписки³⁰.

Подобное противостояние властей и населения еще более наглядно проявлялось в социальной сфере. В годы войны имели место массовые приписки, злоупотребления служебным положением, должностные нарушения чиновников при рассмотрении заявлений и жалоб от граждан, хищения и растраты при распределении продовольственных и промышленных товаров, назначении пособий и пенсий. Все эти негативные моменты, конечно, отражались в настроениях людей, формируя массовое сознание. Несмотря на перлюстрацию корреспонденции в военный период, в письмах на фронт людям иногда удавалось сообщать некоторые неприятные подробности о своей тяжелой жизни в тылу. В качестве примера хотим привести несколько строк из писем жителей Бугульминского района республики. Так, гражданка Корноухова пишет на адрес полевой почты: «Добрый день, дорогой папа. Живем плохо. Военкомат не помогает, а посылает в райисполком, а там не смотрят на то, что большая семья... Мы все распродали, все до мелочи, больше жить не можем»³¹. Или, Петрова адресует Етеревскому Василию такие строки: «Вы спрашиваете, как к нам — матерям относятся начальники. Они к нам относятся очень плохо. Если налоги платить, то где хочешь возьми, а отдай. А просишь помощи, то они отвечают: «Не один Ваш сын погиб, а погибли тысячи..., как хотите, так и живите»³².

Огромное количество аналогичных заявлений, жалоб, ходатайств от населения было обнаружено нами в фонде Председателя Верховного Совета ТАССР Г.А. Динмухаметова. Люди рассчитывали, что первое лицо республики поможет им разобраться с «обидчиками», окажет необходимое содействие, накажет виновных. Здесь важно отметить, что для большинства населения помощь государственных структур в вопросах выживания являлась главенствующей. Но отмеченные случаи бездушно-бюрократического отношения чиновников к нуждам и заботам людей, их черствость и бездушные вызывали неприятие со стороны рядовых граждан, порождали негативное отношение к власти. В свою очередь, подобные действия местных начальников наносили как материальный, так и моральный вред самому государству, а потому правоохранительные органы выявляли такие правонарушения и стремились их искоренять.

Таким образом, в военный период общественно-политическая жизнь в Татарстане характеризовалась значительным многообразием: в ней сосуществовали различные направления — от глубоко патриотического до резко противодействующего властям. Но желание объединить все население в общей борьбе против ненавистного врага, преодолеть недоверие к власти, заставляло руководящие органы страны и республики пересматривать многие свои позиции, стремясь найти компромиссы. Об этом свидетельствуют: во-первых, изменения в политической линии, выразившиеся главным образом в использовании национального фактора; во-вторых, прекращение антирелигиозной пропаганды и предоставление верующим возможности отправлять свои потребности; в-третьих, попытки властных инстанций решать насущные вопросы и проблемы, с которыми ежедневно сталкивалось население как через административный ресурс, так и используя репрессивные меры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15. Оп. 5. Д. 351. Л. 348.
- ² ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп. 10. Д. 130. Л. 21.
- ³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 153. Л. 1.
- ⁴ Маяк. 1964. 10 мая.
- ⁵ Красная Татария. 1941. 2 июля.
- ⁶ Там же. 1941. 2 июля.
- ⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 22. Д. 43. Л. 157.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12-17.
- ¹⁰ Там же. Д. 147. Л. 18.
- ¹¹ Там же. Д. 228. Л. 46-47.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2001. — С. 204.
- ¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 143, 200а.
- ¹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 153. Л. 28-29.
- ¹⁶ *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменем «третьего рейха». Казань, 2005.
- ¹⁷ *Татария* в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. Казань, 1963. — С. 280.
- ¹⁸ *Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.): Документы и материалы.* — М., 1961. — С. 226.
- ¹⁹ НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 6. Лл. 27, 62, 64.
- ²⁰ НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 5. Лл. 1, 7, 12.
- ²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 890. Л. 23.
- ²² Там же. Д. 1367. Л. 11.
- ²³ Там же. Д. 143. Л. 66.
- ²⁴ Там же. Д. 656. Л. 311.
- ²⁵ Там же. Д. 351. Л. 349.
- ²⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 23. Д. 306. Лл. 128, 129.
- ²⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 143. Лл. 103-104.
- ²⁸ Там же. Д. 153. Л. 37-38.
- ²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 402. Л. 34.
- ³⁰ *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999. — С. 331.
- ³¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 402. Л. 17.
- ³² Там же. Л. 35.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений власти и общества в годы военных испытаний на материалах Татарстана. Используемые в работе новые архивные документы и материалы позволяют детально проанализировать деятельность государственных и партийных органов республики по проведению мобилизационной кампании, проследить изменение вектора государственной идеологической политики, представить комплекс разнообразных общественно-политических настроений населения в военное время, оценить реакцию советских людей на проводимые властями мероприятия.

Ключевые слова: Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Республика Татарстан, массовое сознание, общественные настроения, властные структуры, идеологическая работа, национальный фактор.

Summary

The article considers interrelation between government authorities and society during the hard years of the war, based on Tatarstan-related materials. New archive documents and materials used in the article allow to analyze in detail the activities of government and party bodies in mobilization campaign, to track the changes of the state ideological policy vector, to show various socio-political sentiments of the population in wartime, and to estimate reaction of the Soviet people to the activities held by the authorities.